

эмоции: «А вот Алик наоборот: он не может сдержать свою радость, когда выигрывает, а когда проигрывает, готов **на себе волосы рвать от досады**» [Носов 1986:58] и др. Посредством фразеологических оборотов часто характеризуется также внутреннее состояние самого главного героя повести. Так, например, в контексте: «Я чувствовал, что все это получилось как-то нехорошо, и мне было **не по себе**» [Носов 1986:117] – подчеркивается чувство досады мальчика; а в следующем отрывке фразеологизм усиливает чувство безысходности героя: «Мне было досадно, что Костя без меня выучил Лобзика, так как мне тоже было интересно его учить, но теперь уже все равно **ничего не поделаешь**» [Носов 1986:154]. Образные выражения также нередко усиливают самооценку персонажа, его трезвый взгляд на ситуацию: «От стыда я **не знал куда деваться**» [Носов 1986: 132] или «...на самом деле я не высказывался, потому что мне с двойкой нечего было лезть вперед, а надо было **сидеть в тени**» [Носов 1986:49] и др.

Таким образом, образные фразеологические выражения повести Н.Носова являются, на наш взгляд, одним из важных изобразительных средств произведения. Устойчивые фразеологические обороты и сочетания фразеологического типа выступают важным элементом как экспрессивности текста, так и характеристики персонажей, их речи, поступков, эмоций. Наряду с этим в коммуникативных ситуациях устойчивые обороты, как правило, усиливают речевое воздействие говорящих, придают высказываниям живой, разговорный характер.

Литература

1. Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
2. Каргина Т.Д. Двойная актуализация фразеологических единиц и один из способов прагматической направленности в художественной коммуникации // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов. Ч.1. Курск: Изд-во Курского гос. технич. ун-та, 1996. С. 127-137.
3. Носов Н.Н. Витя Малеев в школе и дома: Повесть. Ростов н/Дон: Кн. изд-во, 1986. 176 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. Изд-е 4-е, стереотипное. Москва, «Русский язык», 1986. 543 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / составитель М.И. Степанова. Изд-е 2-е., испр. и доп. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2008. 608 с.

В.В. Бардакова

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

ОБРАЗНЫЕ НОМИНАЦИИ ПТИЦ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Номинации птиц и орнитонимы в произведениях русской детской литературы рассматриваются нами как часть концепта ПРИРОДА. Словарь русского языка богат апеллятивными зоосемными лексемами – видовыми названиями животных и птиц, а также зоонимами – кличками, которые даются животным (как правило, домашним) людьми. Лингвисты изучают функциональные особенности зоонимов, способы и принципы номинации различных животных и птиц [Евстигнеева, 1988]. Для анализа художественного текста актуальны функции зоонима и мотивы именования животных и птиц.

Широко и разнообразно представлены птицы в поэтических азбуках. Классический «азбучный» цикл «Про всё на свете» С.Я. Маршака представляет юным читателям окружающий человека мир во всём его многообразии. Уже в названии определяется отличительное жанровое свойство этого произведения: каждая буква представлена отдельной строфой – словесной зарисовкой, воссоздающей фрагмент картины мира. В целом цикле в алфавитном порядке изображается широкая картина мира, в центре которой – человек. Разностороннее предметно-тематическое представление бытия в азбуках строится на социокультурных стереотипах. Воссоздаваемая поэтом картина мира отражает различные фрагменты действительности, актуальные для познающего мир ребёнка.

В стихотворном цикле «Про всё на свете» несколько «буквенных» строф рассказывают о птицах: аисте, выющем гнездо около жилища человека: *Аист с нами жил всё лето, а зимой гостил он где-то;* дятле – лесном докторе, клюв которого сравнивается с плотницким инструментом: *Дятел жил в дупле пустом, дуб долбил, как долотом;* цапле – опять же в сравнении с творением рук человеческих: *Цапля важная носатая, целый день стоит, как статуя;* хорошо знакомые людям воробей и ворона персонажируются: *Воробей просил ворону вызвать волка к телефону.*

В «Лесной академии» С.В. Михалкова две буквы русской азбуки также представлены названиями птиц – обитателей родных просторов: *ворона, журавль.* В «Птичьей школе» Б.В. Заходера – *учитель Старый Воробей, птичья детвора: воробушки, галчата, чижки, стрижи, щеглята, сороки, воронята, синицы и скворцы...* В «Мохнатую азбуку» Б.В. Заходера включены стихотворения «Аист», «Воробей», «Индюк», «Страус», «Филин», «Цапля», «Эму».

В. Лунин в своей «Азбуке» в стихах о букве А называет аистов, о букве Я – ястреба, о букве Ч – чёрных грачей, чечёток, чирка, чижа. Отдельные строфы «Азбуки» – своеобразные жанровые зарисовки о птицах, в которых автор представляет домашних и диких птиц разнообразными выразительными средствами (олицетворение, эпитеты, звукопись). Маленькие читатели становятся очевидцами «семейных» сценок: *Гусята у водицы гогочут, голоса. Глядит, не наглядится гусыня на гусят...; Устала утка на*

пруду учить своих утят: утята плавать на виду у мамы не хотят...; естественных «показательных» ситуаций: Дятел дерево долбит, день-деньской кору дробит. Дятел лечит древний дуб...; ...залилась спозаранку в замерших зарослях крошка-зарянка? ...заглядевшись в зенит, звонко и весело зяблик звенит?; Щёголь щегол на берёзе щебечет. Щурится, греясь на солнышке, кречет. Щурка летает в гуще ветвей. Щёлкает где-то вдали соловей...; Юрки замёрзнуть не хотят, юрки от вьюг на юг летят. На глазах детей рождается метафора:

*Цветёт у птичника цветок –
Цветок на паре тонких ног.
Цветок пушист и звонок...
– Цветок, ты кто?
– Цыплёнок!*

А эти строки «Азбуки» В. Лунина: *...Вдруг воробушек-пострел на верхушку воза сел...–* перекликаются со строками С. Есенина: *...Воробышки игривые, как детки сиротливые, прижались у окна...<...> ...Озябли птички малые, голодные, усталые... («Поёт зима – аукает...»);* ассоциируются с благоговением автора *«перед той маленькой, героической птицей...»* («Воробей» И.С. Тургенева). Соучастие, сочувственное отношение выражается и в стихотворениях других русских поэтов: «Ворона» А. Блока, «Воробей» и «Ворона» Н. Рубцова и др.

Птицы стали главными героями рассказов Е.И. Носова «Как ворона на крыше заблудилась», «Как патефон петуха от смерти спас», «Белый гусь», Ю.И. Коваля «Капитан Клюквин», Н.Н. Носова «Когда мы смеемся», В.П. Астафьева «Стрижонок Скрип», Е.И. Чарушина «Щур», многих рассказов М.М. Пришвина и др.

Как правило, персонажи рассказов и сказок – животные и птицы – получают кличку, как и домашние животные или обитатели зоопарков. Кличка (имя) птицы – орнитоним относится к числу зоонимов. Литературные зоонимы, как и литературные антропонимы и топонимы, рассматриваются в ряду образных языковых средств. Входя в поэтическую структуру, образную систему художественных текстов, зоонимы служат средством создания образов животных и птиц – друзей человека и дополняют «семейное», «домашнее» начало в произведениях для детей.

Так, в повести «Детство Никиты» А.Н. Толстой создает вокруг героя произведения – Никиты целый мир животных, занимающих важное место в жизни мальчика, составляющих круг его интересов и позволяющих заглянуть во внутренний мир ребенка. Это – собаки Шарок и Каток, кот Василий Васильевич, еж Ахилка, скворец Желтухин. Они наделены писателем своеобразными характерами, им посвящены многие страницы книги. Например, в главе «Желтухин» рассказывается о скворце, в качестве клички которого используется так называемый констатирующий, отражающий отличительные приметы внешнего вида, орнитоним – Желтухин. В тексте

используются: видовое название птицы, сочетающееся с изобразительными эпитетами – *еще серенький скворец, какой желторотый*; описательные обороты – *клюв с желтой во всю длину полосой*; и орнитоним – *Желтухин*, с помощью которого автор ёмко «характеризует» желторотого скворчонка.

В констатирующих онимах отражаются общий вид (размер, величина, цвет оперенья и др.) и особенности внешности птицы. Это – один из самых распространенных способов именованя. К подобного рода номинациям относят многие апеллятивные названия птиц, например: галка, голубь, соловей, рябчик, ворона и др. [См.: Черных 1999; Даль 1989].

В рассказе «Стрижонок Скрип» В.П. Астафьев использует как констатирующий орнитоним *Белое брюшко* (так назван вожак стаи стрижей), так и звукоподражательную кличку – *стрижонок Скрип*. Звукоподражание как мотив номинации актуален и в проприальных, и в апеллятивных именованьях. Таковы названия птиц: грач, дрозд, коростель, кречет, кукушка, скворец, тетерев, чиж и др. [См.: Черных 1999; Даль 1989]. На звукоподражании построены онимы *Чик* и *Чирика* – воробьи («Красная горка» В.В.Бианки), *Грашка* – грач («Пиковая дама» М.М. Пришвина), *Чик* – воробей («Как ворона на крыше заблудилась» Е.И. Носова) и др. В них «слышны» звуки, звукосочетания, которые произносят эти птицы. Звуковое сходство с апеллятивным видовым названием стало ведущим мотивом именованя в таких орнитонимах, как *Журка* и *Терентий* (М.М. Пришвин «Журка», «Терентий»), *Петя* (К.Д. Ушинский «Петушок») и др. Мотивом номинации является совпадение звуковой структуры апеллятива и онима (преимущественно инициальной части): петух Петя, журавль Журка, тетерев Терентий, грач Грашка.

Метафорические орнитонимы основываются на каких-либо (слуховых, зрительных, цветовых и под.) аналогиях и ассоциациях, возникающих при внешнем восприятии впечатлений. Образно мотивированным является, например, орнитоним Лимончик: так, по лимонному цвету оперенья, назван кенарь («Белые амадины» В.Ю. Драгунского). Автор в тексте может подробно или одной фразой объяснять свой выбор, сопровождать кличку комментарием или эпитетом, но может ограничиться только кличкой. Кличка может быть заголовком (или частью названия) художественного произведения.

Так, рассказ Е.И. Носова называется «Белый гусь». Главным героем в нём является известная птица, внешний вид которой автор в тексте описывает таким образом: *Все у него было адмиральское: и выправка, и походка, и тон... Ходил он важно, обдумывая каждый шаг. Прежде, чем переставить лапу, гусь поднимал ее к белоснежному кителю..., не замарав ни единого перышка.*

Этот гусь никогда не бежал... Он всегда высоко и неподвижно держал длинную шею, будто нес на голове стакан воды. Собственно, головы у него, казалось, и не было. Вместо нее прямо на шее был прикреплен ог-

ромный, цвета апельсиновой корки клюв с какой-то... шишкой... Больше всего эта шишка походила на кокарду».

Белое оперенье гуся, которому следовало бы дать адмирала, автор сравнивает с белоснежным кителем, шишку на клюве – с кокардой на фуражке адмирала. В тексте писатель использует еще одно сравнение, которое дополняет и усиливает уже проведенные аналогии: *казалось, будто гусь высечен из глыбы рафинада.*

К внешним признакам добавляется еще гордый нрав, осанка, манера: гусь нетороплив, осознает свою силу и власть, уверен в себе. Сходство гуся с морским офицером в парадной форме, статность и важность, своеобразие и горделивая независимость, внешняя чистота и внутреннее благородство складывается в авторскую номинацию – Белый гусь.

Кличка клеста – героя одноименного рассказа Ю.И. Коваля «Капитан Клюквин», подробно мотивируется в тексте: *Это был клест-сосновик, с перьями кирпичного и клюквенного цвета, с клювом, скрещенным, как два кривых костяных ножа... Надо было придумать клесту имя. Мне хотелось, чтоб в имени был отмечен и его командирский нрав, и крепкий клюв, и красный цвет оперенья... Нашлось только одно слово, в котором есть и клюв и красный цвет – клюква.*

Подходящее слово. Жаль только, нет в клюкве ничего командирского. Я долго прикидывал так и эдак и назвал клеста – Капитан Клюквин.

Общепринятой этимологии слова клест не существует, однако предполагается звукоподражательность названия птицы [Шанский 1971:197]. Аллитерация – сочетание согласных звуков -кл-, -кр- : клест, клюв, клюквенного, кривых, крепкий, красный, скрещенным – в тексте используется как художественный прием, способствующий более полному воссозданию образа и в какой-то мере предопределяющий выбор литературного имени. Определенную роль в выборе каждой составляющей орнитонима, сочетающего изобразительность и звукоподражательность, сыграло инициальное совпадение двух слов клички и апеллятивного видового имени птицы: клест Капитан Клюквин.

К онимизации разговорных, диалектных и общепринятых видовых номинаций прибегает В.В. Бианки: *Береговушка, Зуёк, Витютень, Иволга, Пеночка, Чомга* («Лесные домишки»). В тексте присутствует краткое и емкое описание внешнего вида птиц, при этом внимание акцентируется на каких-либо определённых деталях. Писатель использует также прием двойной номинации, дополняя отапеллятивное имя характеризующим, указывающим на отличительные особенности. Например, на форму клюва каждой птицы: *Мухолов-Тонконос (Мухолов), Клест-Крестонос, Бекас-Долгонос, кулики – Шилонос и Кроншнеп-Серпонос, Козодой-Сетконос, Пеликан-Мешконос (Пеликан), Дятел-Долбонос, Ястреб-Крючконос* («Чей нос лучше?»). Многословные номинации варьируются в тексте: от полного с употреблением всех составляющих компонентов именованного до сокращения

отдельных элементов в составе онима: Мухолов-Тонконос, Мухолов, Тонконос. Контекст восполняет отсутствие названия птицы в составе имени: у Дубоноса ...*совсем простой нос, как у Воробья, только потолще; крикнул Широконос и др.* Контекстуальное окружение сказывается на развитии ономастического значения, способствуя накоплению смыслов отапеллятивными и метафорическими номинациями.

В реальном зоонимиконе известны как констатирующие, так и звукоподражательные именованья домашних животных и птиц: курочка Пеструшка, (или, как в сказке, «Курочка Ряба»), петушок Петя. Широко распространены и антропонимические именованья [Подольская 1988:59; Суперанская 1973:180]. Эта русская бытовая традиция называния животных и птиц зоонимами, образованными от антропонимов, отразилась и в художественной литературе: петух Петя («Петушок» К.Д. Ушинского); тетерев Терентий, утки Дуся и Муся («Терентий» и «Пиковая Дама» М.М. Пришвина), утка Устинья («В одном доме» В.А. Осеевой). В качестве кличек выступают полные, гипокористические, качественные имена, фамилии, прозвища: *Пашка* и *Пашкин дед, старый воробей Чичкин; Сидор* («Растрёпанный воробей» и «Стальное колечко» К.Г. Паустовского); *Пудик* («Воробьишко» М. Горького) и др.

По давней фольклорной традиции орнитонимы, как и прочие зоонимы, составляются по антропонимической формуле «имя и отчество», включающим антропонимы и видовые названия птиц: гусь Иван Иванович («Каштанка» А.П. Чехова), Воробей Воробеич («Сказка про Воробья Воробеича, Ёрша Ершовича и весёлого трубочиста Яшу» Д.Н. Мамина-Сибиряка) и др. (Сравните: в названиях русских народных сказок – «Солнце, Месяц и Ворон Воронович», «Дрозд Еремеевич» и др.)

Орнитонимы *Степка* и *Афонька* в рассказе Н.Н. Носова «Когда мы смеемся» дополняются выразительными прозвищами, что усиливает их антропонимичность: *Афонька Вредный, Степка-растрепка*. Они являются и средством характеристики персонажа: кличка-эпитет *Вредный* раскрывает нрав одного, а рифмующееся дополнение к кличке – *растрепка* отражает внешний вид другого: *Вдруг откуда-то сверху слетает какой-то странный растрепанный воробьишка... Хвост у воробьишки коротенький, буд-то оципаный, загривок взъерошенный, на спине одно перышко сломано и торчит кверху... <...> ...Степка-растрепка прилетел к нам?». Прозвище третьего воробья – это экспрессивно окрашенное определение, преобразующееся в контекстуальный оним: *Есть там еще один вздорный, драчливый воробей-задира. Этот Задира налетит коршуном на какого-нибудь миролюбивого воробья... Задира так и норовит побольней ковырнуть своего соперника носом.**

В русской детской литературе можно найти немало примеров, когда персонажами поэтических произведений, рассказов и сказок являются животные и птицы. Образы животных и птиц в художественных текстах для

детей представляются знаковыми, они являются знаками детства, близости детей к природе и их интереса к ней. Прямые апеллятивные номинации птиц и качественные дериваты, литературные орнитонимы, отражая объективные признаки и качества номинантов в образной форме, обладают характерологическими свойствами и одновременно служат трансляторами энциклопедической информации о предметах и явлениях окружающей человека природы, которая занимает значительное место в общей картине мира человека и особенно важна для воспринимающего эту информацию читателя – ребёнка.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989.
2. Евстигнеева М.В. Внутренняя форма слова в гносеологическом аспекте (на материале английских наименований птиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1998.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999.
6. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Л. Г. Золотых

Астраханский государственный университет

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА ФРАЗЕМИКИ

Во фраземике отражается в преобразованном лингвокреативными процессами виде и физическая картина мира, и социально-психические состояния человека в этом мире, и сам человек с его эмоциями, чувствами, внутренним миром. Эта система в разных науках номинирована различными терминами – «картина мира», «концептуальная система мира», «модель мира», «образ мира» – и, соответственно, рассматривается с разных точек зрения. Введение в лингвистическую практику такого калейдоскопического терминообозначения обусловлено исследованиями, посвященными проблеме «человек в языке и язык человека» во всей её многоас-